

2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 10с.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3031, 3034, 3036, 3038, 3042, 3044, 3048, 7176, 7181, 7182, 7184, 7187, 7188, 7195; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 32с «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Свердловская область. Перепись 1989 г.»
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1976, 2005, 2008, 2019.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5523, 5524, 5525, 7437, 7438, 7439, 7440, 7441, 7442; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Форма 34б «Распределение населения отдельных национальностей по источнику средств существования и общественным группам. Свердловская область. Перепись 1989 г.»
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5508, 5513, 7487, 7492, 7493, 7496, 7499, 7500, 7506; Текущий архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Форма 34б «Распределение населения отдельных национальностей по занятиям. Свердловская область».

**Сухоносова С.В.
(Екатеринбург)**

Возникновение торфяного отопления в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX вв.

Для Екатеринбурга рубежа XIX-XX вв., как и для многих других российских городов того времени, была актуальна проблема недостатка «строительного и дровяного леса» для нужд городских жителей. С ростом города росли и потребности населения, но городская застройка оставалась преимущественно деревянной, а отопление — печным.

По расчетам Екатеринбургской городской управы, необходимое для города количество дров составляло: в 1873 г. — 30 тыс. куб. саж. в год, в 1878 г. — 69 тыс. куб. саж. (1), а в 1917 г. — уже 170 тыс. куб. саж. (2) (то есть, с 1873 по 1917 гг. возросло в 5,6 раз).

Между тем значительно увеличить вырубку леса Екатеринбургское самоуправление не могло: городская лесная дача, находившаяся на территории городского выгона, была относительно небольшой, ее ресурсы — ограниченными; запасы леса в казенных горнозаводских лесных дачах (Нижне-Исетской, Березовской и др.) постепенно истощались (3).

Цены на дрова в Екатеринбурге были нередко выше, чем в соседних городах (кв. сажень дров в 1874 г. в среднем стоила около 1 руб. 50 коп., в 1877 г. уже 2 руб. 50 коп. (4); в 1915 г. городская управа установила «потолок цен» на дрова от 8 до 9 руб. за кв. саж. (5)), что было тяжело не только для городской бедноты, но и для жителей со средним достатком.

Эти причины обусловили необходимость поиска новых способов отопления растущего города, в том числе и применения другого вида топлива — торфяного.

Впервые вопрос о возможности разработки торфа обсуждался на заседании Екатеринбургской городской думы в марте 1878 г. Чиновники Штейнфельд и Буслов ходатайствовали о дозволении им исследования и добычи торфа на территории городского выгона. Подрядчики не были уверены, что идея заготовки торфа в Екатеринбурге окажется удачной, поэтому предполагали только «проведение разведки ...обыкновенными пробитыми шурфами» (6).

В январе 1886 г. для выработки правил отдачи торфяников в разработку частным лицам городской думой была избрана комиссия, в апреле 1886 г. добыча торфа на территории городского выгона была разрешена И.И. Симанову и братьям Ошурковым (7).

В 1907 г. о разрешении эксплуатации торфяных болот в городском выгоне перед городской думой ходатайствовало товарищество «Шишкин и Заспанов». Но гласные выразили мнение, что выгоднее для города будет разрабатывать торфяные залежи своими силами, и Дума в ходатайстве отказала. Городской управе было поручено провести новые исследования (в т.ч. нивелировку) торфяных болот и начать их разработку (8). В декабре того же года «торфяной вопрос» вновь обсуждался гласными городской думы: было принято решение об отдаче торфяных залежей на территории городского выгона в аренду (9).

15 января 1908 г. гласным П.М. Утяковым был предложен тщательно разработанный план распространения в Екатеринбурге системы торфяного отопления. По его подсчетам, ½ куб. саж. торфа легкой обработки (ручной резки и воздушной сушки) могла заменить 1 кв. саж. березовых дров хорошего качества. Поскольку торф горит медленно (как и березовые дрова), такое топливо может иметь большую ценность и дать городу сбережений более чем на 50 % (10). В первую очередь П.М. Утяков предложил перевести на торфяное отопление «здания, лежащие на отчете города» (городской тюрьмы, полиции, казарм, общественного городского дома, общественной богадельни, ночлежного дома и пр.). По его плану, жители, убедившись на примере опыта городской управы в выгодности торфяного топлива, должны были сократить потребление дров, что способствовало бы снижению цен на дрова.

Городская дума поддержала предложения Утякова: была избрана комиссия по организации торфяного дела, а П.М. Утякову было поручено составить специальную брошюру для распространения среди населения «О пользе торфяного отопления». 15 мая 1908 г. было решено не приобретать специальных машин для нарезки и обработки торфа, ограничившись легкой обработкой через «ручную резку и воздушную сушку». Подряд на разработку торфа на болотах выгона был отдан А.Ф. Свистунову, который обязался поставлять торф городской управе по цене 3 руб. 20 коп. за куб. саж. (11).

В 1916 г. торфяники перешли в ведение городской управы. На их содержание (оборудование, инструменты, караул, постройку барачных для рабочих) было израсходовано 17,6 тыс. руб. Когда предоставлялась возможность (в частности, когда к городу за долги перешли запасы торфа И.И. Симанова), городская управа продавала торф населению по пониженной цене — по 3 руб. за куб. саж. (12).

Но большого распространения среди городских обывателей торфяное отопление не получило. По замечанию гласного Д.М. Веселова, так как торф «продавали разрыхленным», городские жители считали его «неудобным для отопления» (13).

Спрос на торф среди населения возрос зимой 1916-1917 гг., когда цены на дрова в условиях «дровяного голода» резко повысились. За зимние месяцы цена на торф выросла с 6 до 12 руб. за куб. саж. Доходы от продажи торфа в городскую казну составили 24 тыс. руб. В феврале 1917 г. гласные Думы Д.М. Веселов, П.П. Вязельщиков и др. предложили целый комплекс мер по развитию торговли торфом: продавать торф на городских площадях, привлечь к работе по нарезке торфа женщин и военнопленных; разработать не только торфяники на территории городского выгона, но и отдаленные болота (14). Было решено не допускать продажу торфа крупными партиями, чтобы цены на торф не «взлетели». В мае 1917 г. городским самоуправлением было «выражено пожелание» жителям перейти на торфяное отопление. Приказать сделать это в обязательном порядке городская управа не могла (15).

Таким образом, торфяное отопление в конце XIX — начале XX века большого распространения в Екатеринбурге не получило. Тем не менее, меры по разработке торфяных залежей и организации работ на городских торфяниках, предпринятые городским самоуправлением, позволили частично стабилизировать цены на дрова в Екатеринбурге и преодолеть топливный кризис в годы Первой мировой войны.

1. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1878 года. Екатеринбург, 1878. С. 68.
2. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 402 об.
3. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 399 об.
4. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877 года. Екатеринбург, 1877. С. 103.
5. Зауральский край. 1915. 15 марта. № 60. С.3.
6. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1878 года. Екатеринбург, 1978. С. 30-31.
7. Город Екатеринбург (1889-1998). Екатеринбург, 1998. С. 878.
8. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1983. Л. 124-124 об.
9. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1983. Л. 264 об.
10. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1984. Л.13.
11. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1984. Л. 13-13 об., 120.
12. Зауральский край. 1917. 24 февраля. № 43. С. 3; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 613. Л. 52 об.-53.

13. Зауральский край. 1917. 24 февраля. № 43. С. 3.
14. Там же.
15. ГАСО. Ф. 62. Оп.1. Д. 526. Л. 214 об.; Д. 620. Л. 403.

Сушков А.В.
(Екатеринбург)

**Конец политической карьеры «легендарного маршала»:
смещение К.Е. Ворошилова с поста Председателя Президиума
Верховного Совета СССР в мае 1960 г.**

Политическая судьба члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова была предрешена его участием в неудачной попытке сместить Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, т.е. с положения главы государства, в июне 1957 г.

Уже на самом Июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, когда стало ясно, чем он закончится, перед Н.С. Хрущевым встала проблема формирования нового, подчиненного только ему состава Президиума ЦК. Чтобы скрыть тот факт, что против него выступила не просто «антипартийная группа», а практически весь состав полноправных членов Президиума ЦК КПСС, Н.С. Хрущев решил осуществить поэтапный вывод из высшего руководства своих повергнутых противников. По замыслу Хрущева, из всех выступивших против него членов высшего руководства, в составе Президиума ЦК КПСС на положении полноправных членов временно должны были остаться Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин и Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов. Помимо того, что эти два руководителя являлись не самыми активными участниками «заговора» против Хрущева, данному выбору способствовал и их высокий должностной статус: главы Правительства и советского парламента.

В соответствии с этой установкой на Пленуме ЦК КПСС выстраивались выступления приближенных к Н.С. Хрущеву руководителей: К.Е. Ворошилов и Н.А. Булганин не стали подвергаться столь же сокрушительной, огульной критике, как выделенное центральное ядро «заговорщиков», объявленных «антипартийной группой» – В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков и Д.Т. Шепилов. Уже в докладе, сделанном М.А. Сусловым в начале работы Пленума ЦК, прозвучало: «Глубокоуважаемый всеми нами товарищ Климент Ефремович Ворошилов», чем были заданы определенные рамки критики в адрес Ворошилова (1). А первый секретарь Горьковского обкома КПСС Н.Г. Игнатов, сыгравший большую роль в подготовке Пленума ЦК и награжденный введением в состав полноправных членов Президиума ЦК КПСС, не скрывая, заявил Ворошилову в своем выступлении: «Я ставлю своей задачей, чтобы иметь Вас в руководстве нашей партией, и что-